

Научная статья

УДК 398.22:811.512.142'37

DOI 10.25587/2782-4861-2026-3-176-187

ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ОБЫЧАЕВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

А. М. Кучмезов

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова

Нальчик, Россия

e-mail: kuchmezov1995@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловливается релевантностью изучения традиций и обычаев карачаевцев и балкарцев как регуляторов социальных отношений в обществе. В статье рассматривается языковая экспликация обычаев и традиций, представленных в текстах карачаево-балкарского нартского эпоса и историко-героических песен. Обычаи и традиции, передаваясь из поколения в поколение, выступали регуляторами поведения людей в семье и обществе, в которых закреплялся приобретенный уровень отношений между представителями социума. Возникновение и функционирование обычаев объясняется тем, что члены общества стремились к укреплению и строгому соблюдению тех или иных социальных норм. Лексика, используемая для репрезентации различных обычаев и традиций весьма обширна и многопланова.

Целью данной статьи является выявление и описание языковых средств, участвующих в репрезентации роли обычаев и традиций в формировании социальных норм, регулируемых обычным правом. Для достижения поставленной цели необходимо решить задачи, ориентированные на изучение лингвистических особенностей обычаев и особенностей их функционирования. Объектом исследования выступают обычаи и традиции, представленные в академическом издании карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты» и в героических песнях, содержащихся в хрестоматийном издании «Аланский историко-героический эпос». Методологической основой исследования выступили культурологический подход, позволивший выявить механизмы сохранения и развития обычаев и традиций в обществе, системный, давший возможность установить взаимосвязь между всеми составляющими обычая, а также структурно-функциональный, который позволил оценить роль конкретного обычая в поддержании порядка в социуме.

В результате проведенного исследования приходим к выводу, что наиболее ранним видом социальных норм являются нормы обычного права, которые начали зарождаться на самой заре истории развития общества. Основной функцией обычных норм, действующих в традиционном карачаево-балкарском обществе, как и у появившихся в дальнейшем собственно правовых норм, являлось регулирование общественных отношений. Рассматриваемые в статье обычаи передаются различными словами и дескрипциями типа *аталыкъ* «аталычество», *ант* «клятва», *къан алыу* «кровная месть», *къан тѣлеу* «плата за кровь», *тул той* «обычай левирата», *къан къатышдырмаулыкъ* «запрет кровосмешения» и др., которые в значительной степени этномаркированы, подверглись архаизации и имеют лингвокультурологическое значение.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык; нартский эпос; историко-героические песни; фольклор; обычай; традиция; норма; мононорма; обычное право; общественные отношения

Для цитирования: Кучмезов А. М. Языковая экспликация некоторых обычаев в карачаево-балкарских эпических текстах. *Эпосоведение*. 2026, 3(43), С. 176–187. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-3-176-187>

© Кучмезов, А. М., 2026

© Kuchmezov, A. M., 2026

Original article

Language explication of some customs in Karachay-Balkar epic texts

Aslanbiy M. Kuchmezov

Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
 Nalchik, Russia
 e-mail: kuchmezov1995@mail.ru

Abstract. The relevance of the research topic is determined by the relevance of studying the traditions and customs of the Karachays and Balkars as regulators of social relations in society. The article examines the linguistic explication of customs and traditions presented in the texts of the Karachay-Balkar Nart epic and historical-heroic songs. These customs and traditions, passed down from generation to generation, served as regulators of people's behavior within the family and society, reinforcing the acquired level of relations between members of society. The emergence and functioning of customs is due to the fact that members of society have sought to strengthen and strictly adhere to certain social norms. The vocabulary used to represent various customs and traditions is extensive and multifaceted.

The purpose of this article is to identify and describe the linguistic means involved in representing the role of customs and traditions in the formation of social norms governed by customary law. To achieve this goal, it is necessary to solve tasks focused on studying the linguistic features of customs and their functioning. The object of this study is the customs and traditions presented in the academic edition of the Karachay-Balkar heroic epic "Nart" and in the heroic songs included in the anthology "Alan Historical and Heroic Epic". The methodological basis of the study comprised the culturological approach, which enabled the identification of mechanisms for the preservation and development of customs and traditions within society; the systems approach, which made it possible to establish the interrelationships among all components of a custom; and the structural-functional approach, which allowed for an assessment of the role of a specific custom in maintaining social order.

As a result of the conducted research, we come to the conclusion that the earliest type of social norms are the norms of customary law, which began to emerge at the very dawn of the history of social development. The main function of the customary norms that operated in the traditional Karachay-Balkar society, as well as those that later emerged as legal norms, was to regulate social relations. The customs discussed in the article are conveyed by various words and descriptions such as *atalyk* "atalychism", *ant* "oath", *kan alyu* "blood feud", *kan töleu* "blood payment", *tul toy* "levirate custom", *kan qatyshdyрмаuluk* "prohibition of incest", etc., which are largely ethnically marked, have undergone archaization, and have linguistic and cultural significance.

Key words: Karachay-Balkar language; Nart epic; historical-heroic songs; folklore; custom; tradition; norm; mononorm; customary law; social relations

For citation: Kuchmezov, A. M. Language explication of some customs in Karachay-Balkar epic texts. *Eposovedenie*. 2026, 3(43), pp. 176–187 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-3-176-187>

Введение

Традиции и обычаи представляют своего рода «духовную основу» конкретной эпохи и культуры. Как отмечает А. Л. Гуревич, они «образуют в данном обществе, в данную историческую эпоху некую глобальность, — это как бы тот воздух, которым дышат все члены общества, та невидимая всеобъемлющая среда, в которую они погружены. Поэтому любой поступок, ими совершаемый, любое побуждение и мысль, возникавшие в их головах, неизбежно получали

свою окраску в этой всепроникающей среде» (Гуревич, 1984: 11). Обычаи, родовые порядки, представляя собой неписанные законы, являлись мерилom взаимоотношений между людьми, т. к. были наделены силой закона. Формирование и функционирование традиций и обычаев говорит о том, что человек осознанно стремился к упрочению и соблюдению тех или иных форм общественных отношений, которые передавались от поколения в поколение и выступали регуляторами поведения людей. Они кумулировали в себе основу как народной, так и житейской мудрости.

Изучение установившихся правил поведения в этническом коллективе важно для понимания процесса зарождения обычного права, на основе которого формируется правовой менталитет. По определению А. И. Соколова, «многое из прошлого, исчезая с поверхности, в действительности лишь уходило вглубь, продолжая, так или иначе, оказывать значительное влияние на всю жизнедеятельность народа, в т. ч. и на мировоззренческие основы его традиционного этнического правосознания» (Соколов, 2008: 3).

Большинство видов жизнедеятельности наших предков регулировалось с помощью обычаев, игравших роль связующего звена проявления поведения человека в семье, в обществе с какими-либо событиями и явлениями. Они выступали нормами общественной жизни, морали, ритуальными и обрядовыми правилами, т. е. были первозданными формами регуляции, возникшими в архаичной среде. По утверждению М. А. Супатаева, «...обычай выступал как универсальная, всеобщая форма выражения социальных норм (религиозных, нравственных и т. д.)» (Супатаев, 1984: 11). Правила поведения членов общества, традиции и обычаи народа, сформировавшиеся в течение длительного времени, лежат в основе норм обычного права, которые направлены на «регулирование взаимных связей между человеком и обществом; установление через культурные традиции и обычаи диалога между социумом и природой; создание неписаного кодекса поведенческих норм» (Борисов, 2002: 37). Обычное право, как отмечают Ф. Г. Хисамитдинова и Н. Г. Мухтаров, «тесно связано с его социальной организацией, общественными отношениями и, конечно, языком, т. к. в языке народа находит отражение вся его история, культура и менталитет» (Хисамитдинова, Мухтаров, 2021: 3). Возникновение обычного права «стало результатом усложнения соционормативного регулирования и выделения из него нового регулятора, упорядочивающего общественные отношения в сфере, где моонормы не работали вообще или же недостаточно справлялись со своими функциями. Нормы обычного права были более правоориентированы и направлены на профилактику и разрешение, главным образом, внутриобщинных и внутриплеменных конфликтов» (Шепталин, 2015: 62).

Правовой обычай считается одним из древнейших источников права. Первые законодательные сборники (например, «Законы Ману», «Русская правда») во многом представляли собой записи правовых обычаев. Однако с развитием государства сфера действия правовых обычаев сужалась, и они постепенно уступали место принимаемым соответствующими уполномоченными органами законам и другим формам права.

В настоящее время роль обычного права варьируется в зависимости от правовой системы и государства. В некоторых странах оно сохраняет значение преимущественно в гражданском и торговом праве. В Российской Федерации обычай признаётся вспомогательным источником права; законодательство иногда прямо отсылает к обычаю или допускает его применение (например, в Гражданском кодексе РФ есть ссылки на обычаи делового оборота, национальный и местный обычаи).

Нормы обычного права имеют свой терминологический аппарат, реконструкция которого возможна при исследовании мифопоэтических, фольклорных, этнографических материалов. В карачаево-балкарском языке основными лексемами, передающими данное понятие, являются: *адет* ‘обычай, традиция’ (Гузеев и др., 1996: 54) (слово арабского происхождения *адат* ‘обычай, привычка’); *мёре* ‘традиция, обычай’ (Гузеев, Жаппуев, 2005: 490) (во многих тюркских языках лексема *törä* II ‘закон, обычай’, парн. ‘правило, закон’ (Насилов, Кормушин и др.,

2016: 615); *шерият* ‘в некоторых странах комплекс религиозных (исламских) и юридических норм’ (Гузеев, Жаппуев, 2005: 490). Лексика, связанная с обычаями и традициями, с обычными нормами мало чем отличается от лексического наследия всего карачаево-балкарского языка, более того, язык обычного права не был изолированным языком. Но, следует отметить, что в связи с изменениями жизненных реалий некоторая часть такой лексики перешла в разряд пассивной.

В настоящее время в карачаево-балкарском языке нет специальных исследований, посвященных изучению лингвистических особенностей обычаев и традиций, вместе с тем и лексики обычного права. Некоторые элементы карачаево-балкарского обычного права рассмотрены фрагментарно лишь в следующих работах (Абаев, 1992; Азаматов, 1968; Мусукаев, Першиц, 1992; Малкондуев, 2001 и др.). Полагаем, что данная лакуна требует научного освещения, что и обусловило наше обращение к данной теме.

В работе превалирует описательный метод. Наряду с этим используется концептуальный анализ, направленный на реконструкцию картины мира, отраженной в языковых единицах, связанных с архаическими традициями, а также контекстуальный анализ, позволяющий системно выделить и описать языковую экспликацию обычаев, представленных в эпических текстах.

Материалом для данного исследования послужили тексты карачаево-балкарского героического эпоса (Нарты, 1994) и историко-героических песен (Джуртубаев, 2015a; 2015b; 2015d).

Репрезентанты обычаев в эпических текстах

Ант. Формой принесения клятвы является *ант* «клятва, клятвенное обещание, зарок» (Гузеев и др., 1996: 159). По данным «Этимологического словаря тюркских языков» в таких языках как туркменский, турецкий, крымскотатарский, кумыкский, киргизский, казахский, ногайский, каракалпакский, татарский, башкирский, уйгурский данное слово выступает в значениях ‘клятва’, ‘присяга’ (Севортян, 1974: 45). Также следует отметить, что в монгольском языке функционирует лексема *анд*, репрезентирующий значения: «1) побратим, названный брат; близкий, хороший друг; *анд барих* / *анд бололцох* стать побратимами, становиться названными братьями; становиться друзьями, сдружиться, стать друзьями на всю жизнь; *анд нөхөр* а) побратим, связанный клятвой друг; б) хороший друг; приятель; 2) приятель» (Пюрбеев, 2001: 252). В вышеприведенных значениях в карачаево-балкарском языке бытуют следующие дефиниции: *антлы тенг* ‘закадычный, близкий друг’, *антлы шуёх* ‘закадычный, близкий друг’, *антлы кьарнаш* ‘побратим, связанный с клятвой друг’: *Бахсанукьну антлы шуёху жангыз бир эди* (Джуртубаев, 2015d: 205) ‘У Бахсанука был один единственный закадычный друг’ и др.

Как пишет М. Ч. Джуртубаев, присягавшие «по одному проходили под посохом, выделанным из ветви священного для жителей данной местности дерева. В обряде посвящения в воины, те юноши, которые прошли испытания, произносили слова присяги, стоя в круге со свастикой (*кьынгыр кьач* ‘кривой крест’) или косым крестом, очерченных кинжалом» (Джуртубаев, 2015b: 210): *Кетдиде, кёп адам табып жетдиде, орайда, / Ант таякь этип, туюбу бла ётдюле, орайда. / Антлары: «Биз халкьыбыз бла ант этейик, орайда, / Этген муратларыбызгьа жетейик, орайда!* (Джуртубаев, 2015a: 345) ‘(Они) нашли много людей, орайда, / Изготовив посох клятвы, проходят под ним, орайда. / Их клятва звучит так: «Клянемся всем народом, орайда, / Да достигнем намеченных (своих) целей, орайда»’. – *Эй, тёреге тизилип а, / Таякь туюбу бла ётелле, / Рачыкьаулары барын да / Кьырыргьа ант этелле* (Джуртубаев, 2015b: 340) ‘– Эй, выстроившись, по закону, / Они под посохом проходят, / Всех Рачикауовых / Дают клятву истребить’.

По данным фольклорных текстов, лексемы *кьач* и *жор* ‘крест’ (Тенишев, Суюнчев, 1989: 404) также несут в своей семантике значение клятвы. Крест представлял собой знак посвящения в воины. Присягали, «стоя в круге с крестом, начерченным на земле» и «во время обряда посвящения и принесения клятвы его выжигали на правой лопатке юноши» (Джуртубаев, 2009: 522). В одном из текстов нартского эпоса говорится: – *Барама да – кесим тас, / Бармайма да – бетим тас, – дейди. / – Онг жсаурунумда кьачым бар, / Быллай жерлеге, кьоркьуп, /*

Бармай къалмазгъа да антым бар! (Нарты, 1994: 110) ‘– Поеду – голову (свою) потерю, / Не поеду – совесть (честь) потерю, говорит. / – На правой лопатке у меня есть крест, / Ведь я давал клятву не проезжать мимо таких мест, говорит’. В прошлом, отмечает Х. М. Малкондуев, мужчины, давая клятву (или присягу) перед Тёре, произносили: *Мен Тёре аллында ант этеме, / Бюгюн болдукъ ишден / Къачмазгъа, артха турмазгъа, / Жашаууму аямазгъа* ‘Я даю клятву перед Тёре, / От дела, которое предстоит сегодня, / Не уклоняться, не отступать, / Не щадить своей жизни’ (Малкондуев, 2001). Того, кто нарушал данную им клятву, называли *ант алдагъан* ‘клятвоотступник’ или *антын бузгъан* ‘клятвопреступник’, и, как правило, убивали.

Нарушение данной клятвы передается следующими дескрипциями: *антыма ёлдум* букв. ‘умер данной клятве’, *антымы буздум* букв. ‘нарушил клятву’, *антымы ичме жутдум* букв. ‘проглотил клятву’, например: – *Къоркъмазгъа ант этген эдим, антыма ёлдум, – деди (Къарашауай)* (Нарты, 1994: 154) ‘– Давал клятву, что не испугаюсь, но нарушил данную клятву, – сказал (Карашауай)’. – *Эй, сен, адам улу, мен да сени сынадым. / Манга айтхан антынгы айны тёмей буздунг* (Нарты, 1994: 175) ‘– Эй, ты, человеческий сын, я тоже тебя испытал. / Месяц не прошел, а ты нарушил данное слово’. *Шибижия, межгитге кирсиз кирип, / Эр кишича айтды, ой: / – Таймазма, сёжюме керти болурма, / Антымы ичге жутмам, ой, / Бюгюнден ары Хадагъужукъ улуна / Ичимде дерт тутмам, ой!* (Джуртубаев, 2015а: 175) ‘Шибижия вошел в мечеть, / Сказал, как мужчина, ой: / – Не отступлюсь от своего слова, / Не нарушу данную клятву, ой, / С сегодняшнего дня Хадаужикину / Не буду мстить’.

Лексема *тюзлюк* ‘справедливость, объективность, беспристрастность’ (Гузеев, Жаппуев, 2005: 647) образована от прил. *тюз* ‘справедливый, беспристрастный, честный’ (Гузеев, Жаппуев, 2005: 644) + афф. -люк, указывающий на «отношения, свойства и качества» (Гузеев, 2016: 353). Данное слово тюркского происхождения, например, *tüzük* ‘правильный’, ‘верный’ (Насилов, Кормушин и др., 2016: 639). Понятие ‘справедливость’ пронизывает все сферы жизнедеятельности любого общества. Поведение человека в обществе или же какие-то произошедшие события изначально оцениваются с точки зрения стремления или не стремления к честным отношениям. В Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова справедливость определяется как ‘беспристрастное соблюдение истины’ (Ушаков, 1940: 124). С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова дефинируют данное понятие немного иначе (через лексему *справедливый*): ‘1. Действующий беспристрастно; соответствующий истине; 2. Осуществляемый на законных и честных основаниях; 3. Истинный, правильный’ (Ожегов, Шведова, 2009: 758). Сущность данного понятия связано с истиной, которая подсознательно ассоциируется с законностью. Различные социальные противоречия в карачаево-балкарском социуме весьма результативно решались на родовом совете на основе древних обычаев и традиций, которые своими корнями уходят в мифологию. В одном из текстов карачаево-балкарского эпоса описывается ритуал, проведенный для выявления правды и установления справедливости. *Былань къайсы тюз, къайсы терс болгъанын билир ючюн, обур Сатанай былай айтды: – Юч батырны да халкъ гюрени арасында олтуртугъуз. Къолларына бирер садакъ бла бирер окъ беригиз. Алларына бирер жауурун салыгъыз. Садакъларын кёкге айландырып атсынла. Халкъ гюрен тохтады, ортагъа жашланы олтуртдула, алларына бирер жауурун къалакъ салдыла. Сосурукъну садакъ огу келип жауурунга тийди. Бирси экисини окълары келип, бирини – имбашындан, бирсини уа – тёмпесинден тийдиле. Алай бла иш белгили болду* (Нарты, 1994: 137) ‘Чтобы выявить кто прав, а кто нет (т. е. установить справедливость) Сатанай сказала: – Посадите всех троих братьев в середину круга. Дайте каждому по луку и стреле. Положите перед каждым из них по лопатке (животного) и пусть каждый выстрелит из лука в небо. Народ встал в круг, а в его середину посадили этих юношей. Перед каждым положили по лопатке (животного). Стрела Сосурука, вернувшись обратно, попала в лопатку, которая находилась перед ним. Стрелы двух других юношей – одному попала прямо в плечо, а другому в макушку. Тогда и стало понятно, кто был прав, а кто нет’.

Къан алыу букв. ‘взятие крови (кровная месть)’. Обычай кровной мести, уходящий своими корнями в родоплеменную эпоху, представляет собой наиболее яркий правовой институт, который представлялся универсальным средством защиты достоинства, чести и имущества рода. Кровная месть, если изначально выступала как инстинкт самосохранения, то со временем начала пониматься как ‘око за око, зуб за зуб’, т. е. за нанесение вреда чужому имуществу отвечали, соответственно, порчей имущества, за убийство – смертью. В тюркских языках понятие ‘кровь’ передается лексемой *qan* (Насилов, Кормушин и др., 2016: 442). – *Угъай, анам, атамь къанын алмай мен бу дуняда жашамам*, – *дегенди (Ачемез)* (Нарты, 1994: 263) ‘Нет, не отомстив за отца, я не успокоюсь, – сказал Ачемез’. *Жашын басдырды (Шырдан), ызы бла жашыны къанын алмай къоймазгъа ниет этди* (Нарты, 1994: 241) ‘Шырдан, похоронив своего сына, дал клятву, что отомстит за него’.

Негативные последствия кровной мести были так велики, что нередко они приводили к полному уничтожению двух враждующих сторон, поэтому и существовали обычаи, по которым совершивший убийство (непреднамеренное) мог откупиться довольно большим выкупом, так называемым *къан тѐлеу* ‘букв. плата за кровь’. Как отмечал Мисост Абаев, «...правители и старики принимали меры к немедленному примирению сторон, присуждая с виновной стороны в пользу правой или потерпевшей плату за кровь, за поранение, за издержки и т. п., согласно установившимся адатам и обычаям ...» (цит.: Биттирова, Сабанчиев, 2017: 72–73). *Ол жаш Абай улу арбазына къайтады, сал болуп, / Миннген кѣк атыны сырты къызыл а къан болуп. / Абайланы, аны кѣрюп, борбайлары къыйылады, / Оноу этер ючюн Малкъар элде Тѐре да жыйылады. / Эки къауум алай чапмаз ючюн бири бирге, / Оноу болду Абайлагъа тѐлеу мал берирге* (Джуртубаев, 2015b: 8) ‘Этот молодой Абаев вернулся в свой двор на погребальных носилках, / А его серый конь с залитой алой кровью спиной. / У Абаевых, когда они увидели это, подкосились колени, / Для принятия решения в селении Малкар собрались на Тѐре (совещательное собрание), / Чтобы обе стороны не напали друг на друга, / Постановили уплатить им (Абаевым) скот (как цену крови)’. *Эй–эй–эй, къарагъан къыйынды беш балагъа, ѳксюзге, / Уой, алай да ѳксюзге, – дейди, / – Ма ала ѳсгюнчю, – дейле, – къан тѐлеуню салабыз сизге.* (Джуртубаев, 2015d: 8) ‘Эй–эй–эй, присматривать за пятью детьми, за сиротами, трудно, / Уой, так ли трудно, – говорит, / – И плату за кровь, пока они не подрастут, мы возлагаем на вас’.

Между убийцей и родственниками погибшего до примирения устанавливались отношения «къанлылыкъ» ‘кровная вражда’ или «къанлы жаулыкъ» ‘кровная вражда’: *Эки тукъумну арасында кѣп жылланы ичинде къанлылыкъ жюриюгенди* ‘Между двумя родами долгие годы была вражда’. Сам убийца весь этот промежуток времени именуется – *къанлы, къанлы жау* ‘кровник, кровный враг’ (Гузеев, Жаппуев, 2002: 548). – *Сени атанг бек бай болгъанды. Аны къанлысы Губу болгъанды* (Нарты, 1994: 251): ‘– Твой отец был очень богат. Его кровным врагом был Губу’.

В культуре многих народов в недалеком прошлом наблюдался обычай – в знак траура надрезали себе мочку уха (обычно по знатым особам). Он имел место и у скифов. «Царские скифы, оплакивая царя, надрезают себе уши и руки, обрезают волосы, раздирают лбы и носы, протыкают себе левую руку стрелами» (цит.: Гасанов, 2013: 136). Этот обычай отразился и в фольклоре карачаевцев и балкарцев. Так, в историко-героических песнях подобным образом поступает князь, поневоле оказавшись виновным в гибели своего двоюродного брата. В другой песне два брата, попав в засаду и решив сражаться до конца, в знак траура друг по другу надрезают себе мочки ушей: *Азнауурну ѳлюгюне ол къапланып, жилип жатады, / Къулагъыны къыйырчыгъын кесип, аны юсуне атады* (Джуртубаев, 2015b: 60) ‘Над телом Азнауура, распластавшись, лежит он, плача, / Отрезав кончик уха, бросает на него’. *Эгечден туугъан Абайланы, уой, Къасполат / Жаяу келир эди, кѣк чепкенин жибитип. / Уой, о жибитип да, уой, / Онгсуз Къайсын сюркелип баргъанды, / Къулакъ къыйырын Бекмырзаны, уой, ѳлюгюне, / Кесип, дейди, кѣкюрегине салгъанды* (Джуртубаев, 2015b: 121) ‘Сын моей сестры Абаев, уой, Касполат, / Он пешком

бы пришел сюда, слезами омочив свой чекмень. / Уой, о серый чекмень да, уой, / Беспомощный Кайсын долго полз, / Кончик своего уха на труп, уой, Бекмурзы, / Отрезав, говорят, на грудь ему положил’.

В эпосе встречается предложение, косвенно напоминающее нам о древней традиции скифов: *Рачыкъау къуууу, ачытил Гилястырхан къачып, жетип эшикден кире тебирегенлей, Рачыкъау аны, къылычы бла сермен, баи чырчасын тюшюреди* (Нарты, 1994: 234) ‘Рачыкау гнался, а злоязычный Гилястан убежал. Когда злоязычный уже приближался к дверям, Рачыкау размахнулся и снес ему пол черепа’. В карачаево-балкарском языке *баи чырча* букв. ‘чаша головы (черепная коробка)’ образована от сущ. *баи* ‘голова’ (Гузеев и др., 1996: 360) + сущ. *чырча* ‘чаша’ (Тенишев, Суюнчев, 1989: 745). У Геродота есть упоминание о том, что скифы использовали черепа побежденных врагов в качестве чаш. Так, З. Г. Гасанов отмечает, что «в период средневековья традиция использования черепа врага в качестве чаши продолжает существовать и у степных тюркских народов» (Гасанов, 2013: 144).

Еще один элемент идентичный скифскому военному обычаю, «когда скиф убивает своего первого врага, он пьет его кровь, а головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю» (Гасанов, 2013: 144), прослеживается в одном из текстов нартского эпоса «Карашауай и юноша». *Жаи, чабын барып, къанжыгъасындан суулугъун алып, аны эмегени къанындан толтурады. Кеси да чѣмюч бла бир къан ичеди* (Нарты, 1994: 203) ‘Юноша побегал и, отвязав от тороков фляжку, наполнил ее кровью эмегена. А следом набирает кровь в ковш и выпивает ее’.

Аталыкъ ‘аталычество’. Слово *аталыкъ* ‘аталычество, опека’ (Гузеев и др., 1996: 219) образовано от сущ. *ата* ‘отец’ + афф. *лыкъ* и дословно означает ‘отцовство’ как и в тюркских языках – *atalıq* ‘отцовство’: *atalıq qılajın oyul bol tana* я проявляю к тебе отцовское благо-расположение (букв. отцовство) (Насилов, Кормушин и др., 2016: 71). На протяжении долгого времени аталычество как институт воспитания являлось «одной из традиционных форм быта горцев Северного Кавказа, обеспечивавших подготовку их детей к жизни в обществе. <...> Прежде всего, оно среди горцев Северного Кавказа преследовало политические цели: установление определенных политических и экономических связей между отдельными государствами, а также для укрепления самостоятельности и могущества княжеств, примирения и сближения горских народов, примирение кровников» (Хачетлова, 2015: 192). Ребенка отдавали на воспитание в другую семью для того, «чтобы с помощью аталыка, его родных еще больше укрепить свое влияние, могущество, власть» (Мамбетов, 1994: 180). Однако аталычество как сложное социальное явление выполняло и воспитательные функции в обществе, т. е. «в более отдаленные времена обычай аталычества был связан с воспитанием хорошего тона поведения» (Мусукаев, Першиц, 1992: 120). Об этом свидетельствует эпический текст о Чюелди, в котором говорится: *Чюелдини онбеш жылына жетгинчи асыраргъа, юйретирге, Чюелдини анасы Сарасан Тихтенген тауда жашагъан нарт къарындашларындан Къуриша деген бир нартха бергенди. Ол аны къарангы, сууукъ, бийик жерлеге элтип, уугъа, жаньуарланы кѣргюзтют, чыранладан, бугъейледен ѳткерип, аркъан бла къаяладан салындырып, аладан къалай этип къутулургъа бол-лукъду, садакъны къалай ойнатыргъа керекди, деп, кѣп затланы юйрете келгенди. Ашатырдан алгъа ары-бери чандыргъанды. Уллу ташланы кѣтюргенди. Чийли-бишли этлени да чайнатханды, жутдургъанды. Аз жулкларгъа да юйретгенди. Кѣзлери ахиш кѣрюрге, къара дугъум ашатханды, къулакълары шыхыртны иги эшитир ючюн жумарукъ, бѣдене жаула жакъдыргъанды, къулакъларына къулакъ мюйюзле салдыргъанды* (Нарты, 1994: 251) ‘Мать Чюелди Сарасан отдала его на воспитание одному из своих нартских братьев по имени Курша, который жил у подножья горы Тихтен до достижения им пятнадцати лет. Он брал его с собой на охоту в темные труднодоступные места и показывал различных зверей. Он учил его тому, как проходит по ледникам и расщелинам. Свешивая его со скал, учил взбираться по ним, стрелять из лука. Перед приемом пищи заставлял его бегать, поднимать тяжелые камни. Приучил его есть полусырое мясо и не спать. Для того, чтобы глаза его хорошо видели, кормил черной смородиной,

чтобы хорошо слышал даже малейший шорох, смазывал его уши жиром фазана и перепелки, а в ушные раковины вставил слуховые рога’.

Синонимами слова *аталыкъ* ‘отцовство’ являются и такие термины искусственного родства, как *эмчеклик* букв. ‘взятый на кормление’ (*эмчек* в карачаево-балкарском языке обозначает ‘сосок’ + афф. -лик, указывающий на «отношения, свойства и качества»). Кроме того, лексема *эмчеклик* представляет собой объект правоотношений как обязательный подарок *аталыку* (человеку, взявшему ребенка на воспитание), например, земельный участок (Гузеев, Жаппуев, 2005: 1073): *Байдуллахлары эмчекликге кѣп сауѣа алѣан эдиле* ‘Семья Байдуллаха купила много подарков приемному отцу’. Лексемы *эмчек ана* ‘кормилица’ (Гузеев, Жаппуев, 2005: 1072), *эмчек улан* (или *жаш*) ‘молочный мальчик (сын)’ (Там же: 1073), *аталыкъ* ‘названный отец’, ‘опекун’ (Гузеев и др., 1996: 219), он же *осуй* ‘опекун, попечитель’ (Гузеев, Жаппуев, 2002: 1075) в карачаево-балкарском языке также служат для обозначения родства: *Жер жарылып, сора Дебет туугъанды. / Суу анасы алып аны жуугъанды, / Череклени аны аузуна бургъанды. / Суу анасы эмчек ана болгъанды, / Ол ёсдюрюп, акъыл бла толгъанды* (Нарты, 1994: 69) ‘Земля раскололась и родился Дебет. / Суу анасы (букв. мать воды) искупала его, / Бурные реки ему в рот направила. / Суу анасы стала ему кормилицей (молочной матерью), / Она вырастила и научила мудрости’. *Сабий табып, эмчек анаѣа бергенди, Кюнден кюннге бу сабийледен баиша тюрюлю ёсгенди* (Нарты, 1994: 265) ‘Родила ребенка и на воспитание передала кормилице, / Он рос не по дням, а по часам в отличие от других детей’. – *Да, Къарашауай, бу не ишиди, бу мени эмчек уланымды, – дейди (Мичиуан). – Мен сени эмеген жууукъларынгы жыйып туюдюрюме*, – *деп, Къарашауайѣа чамланады* (Нарты, 1994: 238) ‘– Карашауай, что это такое, он мой молочный сын (тоже). Вот соберу твоих родственников-эмегенов и велю им тебя побить’. По данным фольклорных текстов, родство рождается через проявление уважения к женщине, к груди которой герой прикоснулся. В эпическом тексте данная поведенческая норма прослеживается в почтительном отношении Алаугана к эмегенше, к чьей груди он прикоснулся. *Алауган аны (эмегенни) къатына шош баргъанды, / Эслетмей, эмчегине аузун салгъанды. / Артха къарап, эмеген къатын нартны кѣргенди, / Алауганнга былай дегенди: / – Билмегенлей балам болуп къалгъанса, / Эмчегими сен аузунга салгъанса. / Нечик татлы къабын болдукъ эдинг, – дегенди, / Алауган да анга былай жууап бергенди: / – Эмчегинги намысы болмаса эди, – дегенди, – / Нечик ахишы сермешир эдик, – дегенди* (Нарты, 1994: 168–169) ‘Алауган тихо подошел к эмегенше, / Незаметно коснулся губами ее груди. / Обернувшись, эмегенша увидела нарта, / И сказала ему: / – Неожиданно ты стал мне сыном, / Ты прикоснулся к моей груди. / Каким бы лакомым куском стал бы, – сказала / Алауган на это ответил: / – Если бы не почтение к груди твоей, / Как бы мы сразились мы’.

Кичилетип къатын алыу ‘женитьба, начиная с младшего’. Карачаевцы и балкарцы во многих случаях поступали, основываясь на традициях и обычаях. Это касалось и семейно-брачных отношений. По традиции при вступлении в брак многие придерживались ‘очередности по старшинству’, но находились и те, кто нарушал данное условие. Например, в одном из эпических текстов мы находим этому подтверждение: *Къуртха: – Эмеген тукъумдан эли баишында онсегиз къызы бла бир юйюр жашайды. Аланы аналары къызларын эрге берирге онсегиз жашы болгъан адам улун излейди, ол сени къонакъѣа алыр. Алай ол юйюр къызларын таматалатып эрге берликди, – деди. Нарт Дебет: – Аллахдан аман тап, мен а кичилетип къатын алырѣа муратым бар эди, – деп, кеси кесине саѣгыш эте, ол юйюрге барды* (Нарты, 1994: 146): ‘Ведунья: – В конце аула в пещере живет одна семья из племени эмегенов, у них восемнадцать дочерей. Их мать ищет человека с восемнадцатью сыновьями, поэтому она будет рада принять тебя в гости. Но эта семья выдает дочерей только по старшинству. Нарт Дебет: – Да покарает тебя Аллах! Я ведь собираюсь женить сыновей, начиная с младшего’.

Тул той ‘букв. свадьба вдовы (вдовца)’. Обычай левирата – брак вдовы с братом покойного мужа имел множество неписанных правил и традиций. Он относился к числу пережиточных

форм брака, зародившихся еще в период матриархата. Во многих тюркских языках слово *тул* выступает в значении ‘вдова’ (Насилов, Кормушин и др., 2016: 620). Лексема *тул* в карачаево-балкарском языке имеет идентичное значение – ‘вдова’. Слово *той* (*туй*) в тюркских языках означает «пир», «празднество» или «большое торжество» (Насилов, Кормушин и др., 2016: 620), в карачаево-балкарском языке помимо вышеприведенных значений лексема *той* характерно значение ‘свадьба, свадебный пир’ (Гузеев и др., 2005: 540). Следует отметить, что левиратный брак был выгоден для семьи погибшего, т. к. это освобождало от выплаты калыма, кроме того, считалось, что брат покойного будет опекать семью умершего брата. Но следует отметить, что во многих случаях такой брак совершался с обоюдостороннего согласия. *Бийче талай заманын аман бла ашыргъан эди, / Жууукъ жетген къатынладан бири анга айтхан эди: / – Сен кесинг жангыз къалып, бушууу эте, ёлесе, / Адет бла къайынынга барлыгъын билесе. / Къайынларын, санга жарсый, таза да эрикгендиле, / Кимге барлыгъын кеси бизге айтсын, дегендиле* (Джуртубаев, 2015а: 407–408) ‘Госпожа долгое время провела одна, / Одна из родственниц ей сказала: / – Ты, оставшись одинокой, страдаешь в печали, / По обычаю ты должна выйти замуж за деверя своего, ты знаешь. / Родственники (мужа) беспокоятся о тебе, / За кого из нас она хочет замуж, пусть (сама) скажет’.

Къан къатындырмаулу букв. ‘не смешивание крови’. Одним из неписаных законов в карачаево-балкарском обществе считалось не брать в жены или выходить замуж за родственника вплоть до седьмого колена, «хотя по шариату и могут вступать в брак двоюродные, но местный обычай этого не допускает» (Грабовский, 1869: 14). Б. Вс. Миллер писал, что в обществе встречаются случаи несоблюдения данного адата, но это вызывает шквал недовольства со стороны старших и представителей духовной власти, которые отстаивают народный обычай (Миллер, 1902).

Заключение

Таким образом, исследованный нами материал демонстрирует, что обычаи народа положили основу обычным нормам правопорядка в обществе, которые в дальнейшем, основываясь на них же, получили научную обоснованность. Анализ лексических фактов и текстов позволил реконструировать нормы поведения человека в отдельных ситуациях, касающихся общественных, брачных, семейных и др. отношений. Часть лексических единиц и дефиниций, выступающих репрезентантами обычаев и традиций, ставших источником норм обычного права, входят в словарный состав карачаево-балкарского языка (напр., *аталыкъ* ‘аталычество’, *эмчек ана* ‘кормилица’ и др.), но некоторые из них постепенно подвергались архаизации и вышли из общего употребления (напр., *тул той* ‘букв. свадьба вдовы (вдовца)’, *тёлеу мал* ‘выплата скотом’, *жор* ‘крест’, *къач* ‘крест’ и др.). Установление этнокультурных смыслов, характерных подобным словам и дефинициям, невозможно без опоры на этнокультурные данные, а именно на этнографические, фольклорные, исторические сведения об обычаях карачаевцев и балкарцев. Через языковые данные реконструируются представления об обычаях, следовательно, через обычаи и их интерпретацию делаются шаги к изучению лексики обычного права и ее семантики, т. к. обычаи и традиции, с точки зрения исторической ретроспективы, возникли раньше норм позитивного права и являлись надежным регулятором социального поведения людей в обществе. В карачаево-балкарских эпических текстах ярко представлены некоторые обычаи и традиции этноса, в последствие сформировавшие институты традиционной культуры, которые совмещая в себе различные социальные функции, способствовали сохранению самобытности народа. Одним из таких институтов выступает институт воспитания. В эпических текстах данная поведенческая норма прослеживается в реализации обычая ‘аталычество’, которая раскрывается через понятия *аталыкъ*, *эмчеклик*, *эмчек ата*, *эмчек ана*. Посвящение в воины репрезентируется через клятву ‘ант’ – знак посвящения в воины, также лексемы *къач* и *жор* ‘крест’ несут в своей семантике значение клятвы. Обычаи *кичилетип катын алыу* букв. ‘женитьба, начиная с младшего’, *тул той* букв. ‘свадьба вдовы (вдовца)’, *къан къатындырмаулу* букв. ‘не сме-

шивание крови' характеризуют особенности института семьи и брака в карачаево-балкарской культуре. По данным эпических текстов, обычай кровной мести репрезентируется дескрипцией *къан алыу* букв. 'взятие крови (кровная месть)', а репрезентантом обычая, по которому совершивший убийство мог откупиться выступал термин *къан тѣлеу* 'откуп за кровь'.

Литература

- Абаев, 1992 – Абаев М. *Балкария. Исторический очерк*. Нальчик: Эльбрус, 1992. 46 с.
- Азаматов, 1968 – Азаматов К.Г. *Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине 19 века*. Нальчик: Эльбрус, 1968. 108 с.
- Биттирова, Сабанчиев, 2017 – Биттирова Т.Ш., Сабанчиев Х.-М.А. *Мисост Абаев: историк, публицист, общественный деятель*. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2017. 224 с.
- Борисов, 2002 – Борисов А.А. Изучение обычного права в якутской историографии. *Сибирская заимка*. 2002, 3, С. 37–41.
- Гасанов, 2013 – Гасанов З.Г. *Социально-культурные ценности скифов: древних ашгузов / ишгузов / гузов*. Астана: ТОО «Prosper Print», 2013. 392 с.
- Гузев, Ахматов, Жаппуев, 1996 – Гузев Ж.М., Ахматов И.Х., Жаппуев А.А. (ред.) *Толковый словарь карачаево-балкарского языка*. Т. 1. А–Ж. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. 1016 с.
- Гузев, Жаппуев, 2002 – Гузев Ж.М., Жаппуев А.А. (ред.) *Толковый словарь карачаево-балкарского языка*. Т. 2. З–Р. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. 1168 с.
- Гузев, Жаппуев, 2005 – Гузев Ж.М., Жаппуев А.А. (ред.) *Толковый словарь карачаево-балкарского языка*. Т. 3. С–Я. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. 1157 с.
- Гузев, 2016 – Гузев Ж.М. (ред.) *Современный карачаево-балкарский язык*: в 2 ч. Ч. 1. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. 448 с.
- Грабовский, 1869 – Грабовский Н.Ф. Свадьба в горских обществах Кабардинского округа. *Сборник сведений о кавказских горцах*. Вып. II. Тифлис, 1869, С.15–16.
- Гуревич, 1984 – Гуревич А.Я. *Категории средневековой культуры*. М.: Искусство, 1984. 350 с.
- Джуртубаев, 2015a – Джуртубаев М.Ч. *Аланский историко-героический эпос*: в 3 томах. Т. I. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2015a. 656 с. (на карачаево-балкарском и рус. яз.)
- Джуртубаев, 2015b – Джуртубаев М.Ч. *Аланский историко-героический эпос*: в 3 томах. Т. II. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2015b. 479 с. (на карачаево-балкарском и рус. яз.)
- Джуртубаев, 2015d – Джуртубаев М.Ч. *Аланский историко-героический эпос*: в 3 томах. Т. III. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2015d. 398 с. (на карачаево-балкарском и рус. яз.)
- Джуртубаев, 2009 – Джуртубаев М.Ч. *Ёзден адет: Этический кодекс карачаево-балкарского (аланского) народа*. Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. 640 с.
- Малкондуев, 2001 – Малкондуев Х.Х. *Этническая культура балкарцев и карачаевцев*. Нальчик: Эльбрус, 2001. 176 с.
- Мамбетов, 1994 – Мамбетов Г.Х. *Традиционная культура кабардинцев и балкарцев*: учебное пособие для учителей и учащихся средних школ, ГПТУ и техникумов. Нальчик: Эльбрус, 1994. 352 с.
- Миллер, 1902 – Миллер Б.Вс. Из области обычного права карачаевцев. *Этнографическое обозрение*. 1902, 1(52), С.10.
- Мусукаев, Першиц, 1992 – Мусукаев А.И., Першиц А.И. *Народные традиции кабардинцев и балкарцев*. Нальчик: 1992. 240 с.
- Насилов, Кормушин и др., 2016 – Насилов Д.М., Кормушин И.В. и др. (ред.) *Древнетюркский словарь*. 2-е изд., пересмотр. Астана: «Гылым» баспасы, 2016. 760 с.
- Нарты, 1994 – Ортабаева Р.А.-К. и др. (ред.) *Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев*. М.: Наука, 1994. 656 с. (на карачаево-балкарском и рус. яз.)
- Ожегов, Шведова, 2009 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИНФОТЕХ», 2009. 944 с.
- Пюрбеев, 2001 – Пюрбеев Г.Ц. (ред.) *Большой академический монгольско-русский словарь*. В 4 томах. Т. 1: А–Г. М.: Издательство «Academia», 2001. 485 с.
- Севортян, 1974 – Севортян Э.В. (ред.) *Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные)*. М.: Наука, 1974. 767 с.

- Соколов, 2008 – Соколов А.И. Традиции и обычаи как регулятивный и социокультурный феномен общества: автореферат дис. ... канд. философ. наук. Чебоксары, 2008. 24 с.
- Супатаев, 1984 – Супатаев М.А. *Обычное право в странах Восточной Африки*. М.: Наука, 1984. 117 с.
- Тенишев, Суюнчев, 1989 – Тенишев Э.Р., Суюнчев Х.И. *Карачаево-балкарский-русский словарь*. М.: Русский язык, 1989. 832 с.
- Ушаков, 1940 – Ушаков Д.Н. *Толковый словарь русского языка*. Т. 4. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. 754 с.
- Хачетлова, 2015 – Хачетлова С.М. Значение аталычества для горцев Северного Кавказа. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. 2015, 3(53), в 3-х ч. Ч. I, С. 192–194.
- Хисамитдинова, Мухтаров, 2021 – Хисамитдинова Ф.Г., Мухтаров Н.Г. *Башкирско-русский словарь лексики обычного права*. Уфа: Издательство ГАУН РБ «Башкирская энциклопедия», 2021. 148 с.
- Шепталин, 2015 – Шепталин А.А. Эволюция обычного права и кризис нормативного регулирования в позднеродовой общине. *Социум и власть*. 2015, 4(54). С.61–66.

References

- Abaev M. *Historical essay*. Nalchik: Elbrus Publ, 1992. 46 p. (in Russian)
- Azamатов KG. *Socioeconomic status and customary law of the Balkars in the first half of the 19 th century*. Nalchik: Elbrus Publ., 1968. 108 p. (in Russian)
- Bittirova TSh., Sabanchiev H.-MA. *Misost Abaev: historian, publicist, public figure*. Nalchik: ООО Pechatny Dvor Publ., 2017. 224 p. (in Russian)
- Borisov AA. The study of customary law in Yakut historiography. *Sibirskaya zaimka*. 2002, 3, pp. 37–41(in Russian)
- Gasanov ZG. *Social and cultural values of the Scythians: ancient Ashguz/Ishkuz/Guz*. Astana: TOO “Prosper Print” Publ.; 2013. 392 p. (in Russian)
- Guzeev ZhM., Akhmatov IKh., Zhappuev AA. (eds.) *Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language*. Vol. 1. A–J. Nalchik; El-Fa Publ.; 1996. 1016 p.
- Guzeev ZhM., Zhappuev AA. (eds.) *Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language*. Vol. 2. Z–R. Nalchik: El-Fa Publ., 2002. 1168 p.
- Guzeev Zh.M., Zhappuev AA. (eds.) *Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language*. Vol. 3. S–Ya. Nalchik: El-Fa Publ., 2005. 1157 p.
- Guzeev Zh.M. (ed.) *Modern Karachay-Balkar Language*. In 2 parts. Part 1. Nalchik: Pechatny Dvor LLC Publ., 2016. 448 p. (in Russian)
- Grabovskij NF. Weddings in the mountain communities of the Kabardian district. *Collection of information about the Caucasian mountaineers*. Issue II. Tiflis: 1869, pp. 15–16 (in Russian)
- Gurevich AYа. *Categories of Medieval Culture*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1984. 350 p. (in Russian)
- Dzhurtubaev MCh. *Alanian historical-heroic epic*: in 3 volumes. Vol. I. Nalchik: ООО Tetragraf Publ., 2015a. 656 p.
- Dzhurtubaev MCh. *Alanian historical-heroic epic*: in 3 volumes. Vol. II. Nalchik: ООО Tetragraf Publ., 2015b. 479 p.
- Dzhurtubaev MCh. *Alanian historical-heroic epic*: in 3 volumes. Vol. III. Nalchik: ООО Tetragraf Publ., 2015d. 398 p.
- Dzhurtubaev MCh. *Yozden adet: Ethical code of the Karachay-Balkar (Alan) people*. Nalchik: State Enterprise KBR RPK Publ., 2009. 640 p.
- Malkonduev HH. *Ethnic culture of the Balkars and Karachays*. Nalchik: Elbrus Publ., 2001. 176 p. (in Russian)
- Mambetov GH. *Traditional Culture of Kabardians and Balkars: a Textbook for Teachers and Students of Secondary Schools, Vocational Schools, and Technical Colleges*. Nalchik: Elbrus Publ., 1994. 352 p. (in Russian)
- Miller BVs. From the field of customary law of the Karachays. *Ethnographic review*. 1902, 1, pp.10 (in Russian)
- Musukaev AI., Pershic AI. *Folk traditions of Kabardians and Balkars*. Nalchik Elbrus Publ., 1992. 240 p. (in Russian)

- Nasilov DM., Kormushin IV. et al. (eds.) *Ancient Turkic Dictionary*. 2 ed., revision. Astana: “Gylym” Baspasy Publ., 2016. 760 p. (in Russian)
- Ortabaeva RA.-K. et al. (eds.) *Narty. The heroic epic of the Balkars and Karachays*. Moscow: Nauka Publ., 1994. 656 p. (in Karachay-Balkar and Russian)
- Ozhegov SI., Shvedova NYu. (eds.) *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions*. 4-th ed. Augmented. Moscow: INFOTECH LLC Publ., 2009. 944 p. (in Russian)
- Pyrbaev GTs. (ed.) *Comprehensive Academic Mongolian-Russian Dictionary*. In 4 volumes. Vol. 1: A–G. Moscow: Academia Publ. House Publ., 2001. 485, [1] pp.
- Sevortyan EV. (ed.) *Etymological Dictionary of Turkic Languages (Common Turkic and Inter-Turkic Vowel-Initial Roots)*. Moscow: Nauka Publ., 1974. 767 pp. (in Russian)
- Sokolov AI. Traditions and customs as a regulatory and socio-cultural phenomenon of society: Summary of Candidate’s dissertation (Philosophy) Cheboksary: 2008. 24 p. (in Russian)
- Supataev MA. *Customary Law in East African Countries*. Moscow: Nauka Publ., 1984. 117 p. (in Russian)
- Tenishev ER., Suyunchev HI. (eds.) *Karachay-Balkar-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk Publ., 1989. 832 p.
- Ushakov DN. (ed.) *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Vol. 4. Moscow: Soviet Encyclopedia: OGI: State Publ. House of Foreign and National Words Publ., 1940. 754 p. (in Russian)
- Khachetlova SM. Significance of fosterage for mountain people in Northern Caucasia. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. Tambov: Gramota Publ., 2015; 3 (53), Part I. pp. 192–194 (in Russian)
- Hisamitdinova FG., Muhtarov NG. *Bashkir-Russian dictionary of customary law vocabulary*. Ufa: Publ. House GAUN RB “Bashkir Encyclopedia”, 2021. 148 p.
- AA. The evolution of customary law and the crisis of normative regulation in a late tribal community. *Society and Power*. 2015, 4 (54), pp. 61–66 (in Russian)

Об авторе

Кучмезов Асланбий Мажирович, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», ORCID: 0009-0003-2128-4276, e-mail: kuchmezov1995@mail.ru

About the authors:

Aslanbiy M. Kuchmezov, postgraduate student at the Department of Russian Language and General Linguistics at the Social and Humanitarian Institute of the Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, ORCID: 0009-0003-2128-4276, e-mail: kuchmezov1995@mail.ru

Конфликт интересов / Conflict of interests

Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 29.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 22.08.2026

Принята к публикации / Accepted 03.09.2026